

В. А. Черешнев¹,
В. Н. Расторгуев²

СОВРЕМЕННОСТЬ И ВЫБОР БУДУЩЕГО С ПОЗИЦИЙ ПОЛИТИКИ И ПРОГНОСТИКИ

Д. С. Лихачев неоднократно возвращался к теме прогностики и выбора будущего, прекрасно понимая ее дискуссионность и позицию скептиков, в которой также есть своя внутренняя логика. К примеру, в известной статье «Будущее литературы как предмет изучения» он писал: «Прочтя название этой статьи, читатель непременно подумает: “Модная тема! Не довольно ли с нас футурологии, предсказаний и предвещаний, облеченных в научную форму? Творчество нельзя предвидеть, нельзя предсказать появление того или иного гениального художественного произведения или научного открытия”. Относительно моды можно сказать следующее: моду, если она разумна, можно приветствовать. Разумная мода — одно из немногих, хотя и скромных, свидетельств единства человеческого рода, его вкусов и настроений. ... В науке мода может способствовать коллективному сосредоточению внимания на определенных темах и подходах к темам»³.

Признавая значимость общих «модных тем» в научном дискурсе, массовом сознании и публичной по-

литике, нельзя не заметить, что «мода на будущее» (даже если теряет на какое-то время свою привлекательность) каждый раз — от эпохи к эпохе — возвращается в силу острой потребности заглянуть за черту временного горизонта, который называется современностью. Но именно здесь мы сталкиваемся с рядом парадоксов, и первый из них — неоднозначность данного термина. Дело в том, что каждый из нас волен выбирать *свою современность* — своих учителей жизни и властителей дум из любого исторического времени. Одному интересен Аристотель, другой живет в мире эпохи Просвещения (и имеет на это право), третий находит образцы для подражания в массовой коммерческой культуре, а четвертый с головой погружается в виртуальный мир. Перед человеком нашего времени открывается широкое поле для *выбора современников* по духу и способностям. Такой выбор относится к сфере не только личностной, но и национальной культуры, о чем неоднократно говорил Лихачев. Выбор современности легко преодолевает все временные и пространственные границы.

Право на такой поиск относится к числу естественных и неотъемлемых прав. Такие права есть у отдельных людей, социальных или профессиональных групп, отдельных народов, гражданских наций, объединяющих множество этносов. Поэтому вопрос о том, какое общество мы строим и какое будущее выбираем, во многом зависит от того, в какой современности мы живем и что считаем современным — набор достижений, делающих нашу жизнь комфортной, или всегда современные традиции, соединяющие поколения в целостную общность. Уже по этой причине наследие Д. С. Лихачева, который всегда во главу угла ставил национальную культуру, не утратит своей актуальности.

Но вернемся к основной теме — выбору будущего. Любой человек, независимо от своего возраста и социального статуса, уровня культуры и образованности, профессии и убеждений, пытается представить себе недалекое будущее, в котором у него, кажется, есть своя ниша, и отдаленное будущее, которое принадлежит не ему, а тем, кто придет на смену ныне живущим поколениям. Что стоит за этим желанием — здоровое любопытство, стремление «приватизировать» хотя бы часть «завтрашнего мира» или страх, что будущее может быть отнято у него, чувство ответственности за собственные поступки, результаты которых — и добрые, и разрушительные — уже ожидают нас в том завтра, которое наступит? У всех свои мотивы, которые зависят от многих факторов — типа личности и возраста, моральных и профессиональных качеств человека, тех планов, что мы строим и осуществляем, не зная наверняка, где проходит грань между реальной целью и утопией.

Все вышесказанное можно отнести к социуму, государству и народу, союзам государств и, наконец, к че-

¹ Директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор. Автор и соавтор многих научных открытий и изобретений, более 700 научных работ, в т. ч. 34 монографий, 14 книг: «Имунофизиология», «Альфа-фетопротеин», «Имунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека. Метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Физиолого-гигиеническая концепция спелео- и солелечения», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации», «История реформирования Российской академии наук» и др.; двух руководств по изучению комбинированных радиационных поражений и по клинической иммунологии; 6 учебников; 11 учебных пособий для вузов. Президент Российского научного общества иммунологов. Главный редактор «Российского иммунологического журнала» (“Russian Journal of Immunology”), «Вестника Уральской медицинской академической науки», Вестника УрО РАН «Наука. Общество. Человек», журнала «Имунология Урала». Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (2006) и премии Правительства РФ в области образования (2012). Почетный доктор СПбГУП.

² Профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего образования РФ, государственный советник 3-го класса. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. 26 монографий и учебных пособий: «Единство и преемственность сознания» (в соавт.), «Концептуальный поиск: традиции, новаторство, ответственность», «Творчество и догматизм», «Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования» (в соавт.), «Колоды мира. Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам» (в соавт.), «Философия и методология политического планирования», «Умная политика и культура прогнозирования», «Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века» (в соавт.) и др. Заместитель председателя Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заместитель главного редактора журнала «Трибуна русской мысли». Награжден орденами ООН — Авиценны и «Единение» (в честь 60-летия образования ООН). Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (2006).

³ Лихачев Д. С. Будущее литературы как предмет изучения (Заметки и размышления) // Новый мир. 1969. № 9. С. 167.

ловечеству в целом. Причина такого «очеловечивания» социума, в развитии которого существуют свои закономерности, отличные от тех, что определяют социализацию личности, заключается не только в том, что судьбоносные решения принимают не социальные институты, а реальные люди со своими особенностями и мотивациями. Наряду с личными целями отдельных людей следует учитывать и функциональные цели систем, которые могут не совпадать с частными целями и даже не осознаваться человеческим сознанием. Телеологический подход к пониманию природы коллективного знания, в том числе специализированного, открывает нам скрытые цели. Среди них особую роль играет установка на открытие существующих закономерностей, что делает науку наукой, а также на природо- и народосбережение — функциональные цели политики, трансформирующие ее из сферы борьбы за власть или участие во власти в важнейшую созидательную деятельность.

Другая сторона проблемы «очеловечивания» социума и коллективных сфер деятельности, где необходимо пристальное внимание к мотивации, — особый класс жизненно важных проблем, решение которых диктуется глобальными угрозами и требует межгосударственной и международной солидарности¹. В данном случае важным является коллективное чувство ответственности за отдаленные последствия принимаемых ныне и принятых задолго до нас решений, уже преддрешенных (по сути, запланированных) техногенных, экологических и социальных катастроф. Они могут быть «спланированы» не только в результате стратегических ошибок, неизбежно совершаемых по причине острого дефицита достоверной информации и отсутствия качественно научно-аналитического обеспечения политических решений, но и вследствие нежелания или неспособности планировать на долгосрочную перспективу, невозможности выстроить иерархию общих целей в условиях хронической конфронтации и разобщенности.

Как видим, затронутая нами тема переходит в область политического и геополитического планирования, но ее постановка многих ставит в тупик. Первое, что вызывает удивление при ближайшем знакомстве с ней, — чрезвычайно низкий уровень осмысления. Если стратегическому планированию и прогнозированию в бизнесе посвящено много книг и диссертаций, то проблеме политического и геополитического планирования — небольшой круг исследований, обычно повторяющих один и тот же набор положений и цитат. В большинстве случаев эти термины используются в расширительном значении и служат для обозначения любого типа планирования, если оно предполагает социально значимые последствия деятельности, в которую вовлечены общественные силы и которая требует достижения консенсуса либо соглашения при разрешении конфликта².

¹ Проблеме генезиса и классификации глобальных проблем был посвящен наш доклад на Лихачевских чтениях (см.: Черешнев В. А., Расторгуев В. Н. Глобальные проблемы: диалог политики и науки // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 179–189).

² Бенвенисте Г. Овладение политикой планирования. Создание реально выполнимых планов и политики, которая ведет к переменам. М. : Прогресс : Универс, 1994. С. 18.

Существенно лучше обстоит дело с исследованиями в области политической прогностики, но и здесь почти нет трудов, посвященных прогнозу, «встроенному» в процесс планирования. Причина столь странной диспропорции заключается в том, что анализу доступны лишь внешние проявления этого планирования в сфере так называемой публичной политики. А круг нерешенных, никем не решаемых и даже не осмысленных должным образом проблем, напрямую касающихся жизни миллионов людей, за которых и от имени которых принимаются решения, остается почти недоступным.

Технология планирования обычно полностью передоверяется исполнителям, которым, как правило, недостает реальных властных полномочий, чтобы сосредоточить в одних руках все нити планирования и сценарного прогнозирования. Поэтому столь трудно воссоздать общую картину, которая необходима тем, кто хотел бы понять «механику» данного процесса. Уже по этой причине полезно расширить возможности для самообразования политиков в силу их оторванности от научных знаний, изменяющихся столь же интенсивно, как и политическая конъюнктура.

В политическом планировании, составной частью которого на всех стадиях является стратегическое прогнозирование, наряду с политическими деятелями участвуют специализированные аналитические структуры, а также армия «профильных» специалистов, обеспечивающих функционирование политических институтов. Особую роль в политической жизни играют «мозговые центры» или «фабрики мысли», существующие либо автономно, либо при органах исполнительной и законодательной власти, либо при неправительственных и международных организациях. Ответ на вопрос о том, включает ли их деятельность разработку реальных политических планов, научно обоснованных и востребованных прогнозов, зависит от особенностей политической системы и сложившегося режима, расстановки сил и конъюнктуры, геополитического контекста и множества других факторов. Деятельность ряда центров, включенных в процесс политического планирования, частично или полностью сконцентрирована на геополитической проблематике.

Различные политические системы и режимы по-разному «осваивают» и «усваивают» возможности политического планирования, делая его открытым или закрытым для рефлексии и внешней аналитики, так как многое зависит не от политической воли руководства, баланса сил или выбранной стратегии, а от особенностей правовой системы и сложившихся национальных политических институтов. Само поле планирования и прогнозирования, его пространственно-временные характеристики, набор функций и эффективность предопределяются обычаями, жизненным укладом и качеством институтов, в частности спецификой конституционного устройства той или иной страны. Институты берут на себя многие функции планирования, переводя их в режим «автопилота», что существенно ограничивает возможности «ручного управления», в том числе возможность управления рисками. В ряде случаев это сводит на нет усилия гражданского общества и политических элит повлиять на будущее, избежать катастрофических последствий инерционного движения.